

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXVI.

А В Г У С Т Ъ.

1899 г.

Редакція журнала „Кіев. Старина“ съ 1-го августа переведена на Тарасовскую ул. д. № 15.

К І Е В Ъ.

Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.

1899.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

- I. ТРЕТІЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ ВЪ Г. КІЕВѢ 1874 г.: 1) Отъ Редакціи; 2) Вопросы по археологіи и исторіи, обсуждавшіеся на 3-мъ Археолог. съѣздѣ. **В. Антоновича**; 3) Вопросы по ю. р. этнографіи и литературѣ, обсуждавшіеся на 3-мъ археологич. съѣздѣ. **В. Науменка**. I—XIV
- II. ЧТО ТАКОЕ МАЛУРУССКАЯ (ЮЖНОРУССКАЯ) РѢЧЬ? **К. Михальчука**. 135—195
- III. ЗАМѢТКИ О МАЛУРУССКОЙ ДЕМОНОЛОГІИ. **В. Мило-радовича**. 196—209
- IV. САВА ЧАЛЫЙ. Трагедія въ 5-ти дѣяхъ и 7 ми картинахъ. **И. Карпенко-Карого**. 210—264
- V. ПОДВЕДЕМЪ ИТОГИ. (Отвѣтъ на статьи въ „Кіевлянина“: „Вопросъ о малорусскомъ языкѣ въ Галиціи“). **В. Науменка**. 265—276

ОТДѢЛЪ II.

- I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Неизданное стихотвореніе гр. Ал. Толстого. Съ пред. **А. Степовича**; б) Актъ признательности митрополиту Евгенію отъ дворянъ Кіевской губерніи. Сообщ. протоіерей **П. Орловскій**; в) Историческія вирши по рукописи начала XVIII в. Сообщ. **В. Перетцъ**; г) Отрывокъ изъ записокъ бывшаго крѣпостного. **И. Савченка**; д) Харьковскія художникъ первой половины нынѣшняго столѣтія; е) Кн. А. В. Дабижка (Историкъ). **В. Г. Текуція извѣстія**. 45—63
63—99
- II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Путешествіе „антиохійскаго“ патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII в., описанное архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ **В. Саввы**; б) Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. Т. II-й. Н. Г.; в) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. 70—90
Археологическая лѣтопись. 91—97
- III. ПРИЛОЖЕНІЕ. 1) Разказы **М. Т. Симонова**. (Помисль). Листъ 9-й и 2) Руководство для малорусскихъ; стр. 1—15.

Замѣтки о малорусской демонологіи.

I.

Мертвецы.

Общеніе умершихъ съ дѣйствительнымъ міромъ. Ограниченіе этого общенія извѣстнымъ временемъ и извѣстнымъ кругомъ лицъ. Боязнь мертвецовъ, обереги отъ нихъ. Вредъ, ими приносимый. Питаніе мертвецовъ, отношеніе ихъ къ семьѣ и имуществу.

На зарѣ человѣческихъ обществъ, человѣкъ, не понимая значенія смерти и не различая ее отъ временныхъ безчувственныхъ состояній: обморока, сна, столбняка, старается пробудить мертвое тѣло уколами, побоями, упреками, усиленными призываніями, откуда впоследствии развивается похоронная причеть (Спенсеръ. Основ. соціологіи. СПб. 1876. т. 1., 163, 164, 249, 290), также предложеніемъ трупъ пищи или даже насильственнымъ введеніемъ ея въ ротъ, откуда получаетъ начало общечеловѣческой обычай оставленія пищи и напитковъ въ гробахъ мертвецовъ, пиры и жертвоприношенія съ предполагаемымъ ихъ участіемъ (Ib. 171, 174). Кромѣ пищи, человѣкъ окружаетъ еще своихъ покойниковъ и другими предметами ихъ жизненной обстановки, зарывая вмѣстѣ съ ними ихъ одежды, оружія, животныхъ, женщинъ и рабовъ (Тейлоръ. Первоб. культура, т. II, стр. 40, 43, 51, 52, 63, 70, 105, 106). Такимъ образомъ, по народнымъ вѣрованіямъ, мертвецы, продолжая существовать въ матеріальномъ, болѣе или менѣе измѣненномъ видѣ, находятся

въ постоянномъ и тѣсномъ общеніи съ своими близкими и вообще съ міромъ дѣйствительности. Только въ послѣдствіи посѣщеніе мертвецовъ ограничивается извѣстнымъ временемъ года и извѣстными категоріями лицъ.

По малорусскимъ народнымъ представленіямъ, мертвецы сходятся въ церковь въ чистый понедѣльникъ (мертвецкый велик-день), какъ видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго народнаго разсказа, записаннаго мною въ с. Литвякахъ, Лубенскаго у., отъ Наталіи Кедевой. „Чоловикъ йивъ вареныкы зъ вечора на масляне пуцання и задержавъ сыра у роти до дванацяты часивъ. Выйшовъ зъ хаты, свитыцца у церкви. Пиду, подывлюсь шо таке? Пишовъ, колы собралысь мертвякы у церкви и просятъ его: удины намъ того, шо въ тебе йе. Винъ острахнувсь, каже: „туть я вамъ не дамъ. Пойдемъ на кладовыще, я васъ тамъ роздilu“. Повивъ йихъ на кладовыще, каже: „сидайте у лавы, мали до малихъ, велики до великихъ“. Покры винъ йихъ сажавъ, пивень заспивавъ, вони по мистахъ пишли“.

Затѣмъ мертвецы появляются и на самый свѣтлый праздникъ. „На одіянні (дѣянїяхъ), якъ дочытаюцца до Христа, задзвонять на утреню, обходять у досвита изъ процесією. Идутъ тричи и церкву замкнуть замкомъ. Тоди мертвякы въ церкви, а якъ батюшка чыта на рундуци, або дзвиници молитву, тоди вони выходятъ изъ церкви, отдаляюцца“. (Отъ козачки с. Литвяковъ Маріи Кривоносовой). Вообще по народнымъ вѣрованіямъ всѣ мертвецы воскресаютъ на свѣтлый праздникъ, бываютъ въ церкви и, невидимо, въ хатахъ родныхъ до проводного понедѣльника, который потому и называется проводнымъ (Чернявская. Обряды и пѣсни С. Бѣлозерки. Харьк. 1893 г., 14). Въ Лубенскомъ у. имъ оставляютъ пасху (мои „Народ. Обр. и пѣсни Луб. у.“ Харьковъ 1897 г., 171.) Мертвецы присутствуютъ у родныхъ также наканунѣ Рождества. (Чуб. Труды эксп., т. III, 264.; мои „Рожд. святки въ Луб. у.“ Полтава 1893 г., 3.) и на поминвахъ (Народ. обр. Луб. у. 171). Къ числу мертвецовъ, посѣщающихъ этотъ свѣтъ независимо отъ праздничныхъ и поминальныхъ дней, принадлежатъ: упыри, т. е. отвергнутые цер-

ковью колдуны, еретики, богоотступники, вовкулаки (Кіев. Стар. 1890, II, 338—340), самоубійцы (Сумцовъ. Культ. переж. въ Кіев. Стар. 1890 г., I, 63, 64). Такъ, дѣвица, измѣнившая вѣру, вставала по ночамъ изъ могилы и горько плакала. (Очеркъ демонол. Малор. въ „Москвит.“ 1842 г., XII, 120). Не находятъ покоя въ могилѣ и дѣти, проклятыя родителями: дѣвушка, проклятая ими, останавливала по ночамъ прохожихъ (Кравченко въ Кіев. Стар. 1889 г., IX, 773), а запорожцы должны были всю зиму кормить мертваго попovichа, проклятаго еще до рожденія матерью (Манжура въ Сб. Харьк. Ист. Фил. Общ., II, 141). „Родители, що прокляли дитей, ходять до свиней изъ дитмы и лыжуть корыто. Ходять и ти, которыхъ не помынають“ (Н. Кедева). По народному разсказу¹⁾, записанному мною въ Лубенскомъ у., мертвая дѣвка служила по смерти наймычкою годъ для того, чтобы заслужить поминальный обѣдъ, какой разсказъ сходенъ съ сообщеніемъ извѣстнаго гуманиста Меланхтона о дѣвицѣ, прибывавшей по смерти два года въ общество людей, бывавшей и въ гостяхъ, ѣвшей мало (Буслаевъ въ Библиот. для чтенія 1864 г., III, 6). Отдѣльная вѣтвь сказокъ о блуждающихъ мертвецъ—параллели Гоголевскому „Вію“, изображающія столкновение мертвой вѣдьмы съ отчитывающимъ ее парнемъ въ церкви. Онѣ встрѣчаются какъ во всѣхъ значительныхъ сборникахъ: Аѳанасьева (Нар. Рус. сказки. II, изд. 3-е, 326) Манжуры (Сб. 137). Иванова (Раз. о вѣд. 200—205), Гринченка (Этн. мат. I, 67—71, 219), такъ и въ отдѣльныхъ статьяхъ, напр. въ моей: Къ вопросу объ источникахъ „Вія“ въ Кіев. Стар. 96 г., IX, 46—48. Сводъ и анализъ этихъ популярныхъ сказокъ въ ст. профессора Н. Ѳ. Сумцова „Парал. къ повѣсти Гоголя „Вій“ въ Кіев. Стар. 1892 г. III, 472.

Вѣроятно нежелательность посѣщеній именно этой категоріи вредныхъ мертвецовъ и вызвала обереги отъ нихъ. Съ цѣлью узнать, не посѣщаетъ ли мертвецъ извѣстное жилище, Перу-

¹⁾ Разсказъ этотъ, какъ и прочіе, на которые приводятся ссылки въ настоящихъ замѣткахъ, представленъ въ числѣ другихъ собранныхъ мною 300 разсказовъ и сказокъ въ Императорское Русское Географическое Общество.

анцы посыпаютъ полъ мукой (Спенсеръ 187), а племя Го, жители Филиппинскихъ острововъ и малороссіяне—золой (Тейлоръ, 255. Демонол. Малор. 120). Затѣмъ домъ, посѣщаемый мертвецомъ, осыпаютъ и окуриваютъ зернами снопа, поставленнаго на покути наканунѣ рождества (Бѣньковский въ Кіев. Стар. 1896 г., I, Докум. 8). На окно кладутъ кусочекъ желѣза (Чуб. т. 1, выл. 1, 205). Сѣвероамериканскіе индѣйцы разставляютъ вокругъ жилища сѣти, чтобы поймать душу покойника. (Обр. и пѣсни Луб. у. 177, со ссылками на Спенс. и Тейлора), а въ Харьковской губ., въ предупрежденіе появленія мертвецовъ, хату обматываютъ валомъ, который спряла двѣнадцатилѣтняя дѣвочка (Ивановъ. Разск. о вѣдм., 218). Негры не допускаютъ въ деревню злыя души, преграждая путь колючими вѣтками (Обр. и пѣсни Луб. у., 177); въ Малороссіи же набрасываютъ вѣтки на могилы самоубійць изъ боязни духовъ (Nowosielski. Lud Ukr. Wilno 1857 г., T. I, 42). Анторы приваливаютъ душу камнемъ, черемисы прибиваютъ ее гвоздями или коломъ (Обр. и пѣсни Луб. у. 177). Въ Черниговской губ. во время холеры одного покойника положили ницъ, для того, чтобъ онъ не возвратился, другому хотѣли сковать руки (Гринченко. Этнограф. матер. I, стр. 25).

Самое вѣрное средство—пробитіе мертвеца осиновымъ коломъ—употреблялось прежде между прочимъ и въ Англіи (Сумцовъ. Культ. пережив. Кіев. Стар. 90 г., I, 64). Въ Волынской губ. крышку гроба дѣлаютъ изъ осины (Бѣньковский въ Кіев. Стар. 1898 г. VII—VIII. Изв. и зам., 6).

Во многихъ разсказахъ Лубенскаго у. мѣры укрощенія еще непохороненныхъ мертвецовъ весьма реальны: ихъ привязываютъ къ скамѣ канатами или веревками, а гробъ оковываютъ стальными обручами. Вотъ кратчайшій разсказъ въ такомъ родѣ, представляющійся какъ бы основой другихъ подобныхъ. „Стоить хатка и свитыцца въ ій. Два чоловика йихало, вони опизнылись, зайихали, колы никого нема, тилько одынъ мертвякъ на лави. На столи водка и хлѣбъ лежать. Силы вони, повечерялы. Одынъ каже: „я боюсь“, другый:—„а я ни! Я знаю що ро-

быть“. Узявъ реминны вижки, привязавъ ёго мертвого до лавы. Опивночи мертвякъ якъ узявъ трощицця, лаву потрощывъ, упавъ зъ лавою додолу, такъ не розвязавсь“ (отъ Агриппины Кириченковой, с. Литвяковъ). Изложенныя мѣры предосторожности отъ мертвецовъ принимаются вслѣдствіе разнообразнаго вреда, приносимаго послѣдними, главнымъ образомъ высасыванія ими крови у спящихъ, по общечеловѣческому вѣрованію. Полинезійцы, напримѣръ, вѣрятъ, что души умершихъ (tii) пожирають ночью сердце и внутренности людей; Ментиры также вѣрятъ, что мертвецы выходятъ изъ могилъ и сосутъ кровь людей (Тейлоръ. II. 250—252). Тоже вѣрованіе въ Малороссіи (Чуб., т. 1, в. 1, 205. Шейковскій, Бытъ подольянь. II, 16). Мертвыя вѣдмы пьютъ кровь изъ дѣтей (Ивановъ. Разск. о вѣдм. 217, 219). „Котора жинка не перехрестытъ дитей, виконъ, дверей, колыскы, то мертвякъ ходытъ по хатахъ, изъ мызынця кровь ссе. Отъ того дытына нежыва“ (Н. Кедева). Кромѣ сосанія крови, ушыри, по народнымъ рассказамъ и преданіямъ, производять и другія насилія надъ людьми. Бетсротъ, какъ повѣтствуетъ Эйбриджская сага, выходилъ изъ могилы, избивалъ стада и пастуховъ и выгонялъ жителей изъ кантона, почему трупъ его сожжёнъ. (Спенс., 466). Мертвецы нападаютъ цѣлыми толпами на село, какъ въ Полоцкѣ въ 1092 г. (Сумцовъ. Культ. переж. въ Кіев. Стар. 90 г., I, 65, 66), и сражаются. (Гринченко. Мат. I, № 83, стр. 100).

Во многихъ народныхъ рассказахъ, записанныхъ въ Лубенскомъ у., мертвецы стараются уничтожить стерегущихъ ихъ. Такъ, женщина спаслась отъ смерти только тѣмъ, что развлекла мертвеца, рассказывая ему, какъ готовятъ конопли для рубашки. По другому варианту, такимъ же образомъ спасается женщина отъ своей мертвой сестры. Кума, стерегшая умершую куму, также една спаслась отъ покойной (Манжура. II, 131. Чуб. II, № 114, 403). Племянникъ три ночи подрядъ принужденъ былъ бороться съ умершимъ дядей. Парень, котораго могила не была запечатана, ночью гонялся за дѣвками; падая, онѣ ломали себѣ руки и ноги. Въ 1700 г. духъ крестья-

нина на островѣ Миконѣ, выходя изъ могилы, производилъ въ домахъ безпорядки и задувалъ огни (Тэйл. II, 250—253), а по народному разсказу Лубенскаго у., мертвая женщина разбрасывала мебель, утварь и посуду. Затѣмъ, по народнымъ вѣрованіямъ упырь можетъ накликать чуму на село (Кіев. Стар. 1890 г. II, 339, 340) и вызвать засуху. Въ 1898 г. въ с. Варваровкѣ, Константиноградскаго у., общество крестьянъ, состоявшее изъ мужчины и нѣсколькихъ женщинъ, въ возрастѣ 22—47 л., во время засухи ночью обливали могилу повѣсившагося крестьянина, вынудивъ крестъ для того, чтобы вода скорѣе дошла до самоубійцы и вызвала дождь. (Полт. Губ. Вѣд. 1898 г. № 137, 3). Вышеупомянутое народное вѣрованіе о матеріальномъ загробномъ существованіи мертвыхъ, создавъ обычай оставлять для нихъ пищу и напитки въ гробахъ, создало и разсказы о появленіи мертвецовъ по ночамъ за пищей. Для угощенія ихъ нуженъ обильный столъ, такъ какъ они обладаютъ сверхъестественнымъ аппетитомъ. Напр., въ одномъ разсказѣ Лубенскаго у. мертвецъ выпиваетъ 2 ведра водки и съѣдаетъ 8 ведеръ пищи. Таковъ же аппетитъ мертвецовъ въ сказкахъ у Аѳанасьева (т. II, 316, 317) и Манжуры (стр. 130, 131). Но не всегда безопасно угощать мертвецовъ. Въ французской сказкѣ *Le soupiré du Fantôme* (P. Sébillot. Contes des provinces de France. Paris. 1884, № 49), мертвецъ, поужинавъ у крестьянина, пригласилъ его къ себѣ на ужинъ; въ малорусской—тянулъ послѣ ужина собесѣдника въ могилу (Ивановъ. Разск. о вѣд. 224). Парень, зайдя по такому приглашенію въ могилу мертваго товарища и выпивъ съ нимъ водки, провелъ въ этой могилѣ 300 лѣтъ. (Аѳанасьевъ, II, 319. Гринченко, Мат. II, № 210, 287). Изъ древняго же общечеловѣческаго обыкновенія хоронить женъ съ умершими мужьями,—о чемъ и до сихъ поръ вспоминаетъ малороссіянка, оплакивая мужа: Ой, пріймы жъ мене до себе у сыру землю (Чуб. Труды эксп. IV, 704). Ой, пріймай, прыгортай мене до себе! Иды попидь горою, тай беры мене съ собою! (мои Народ. обр. и пѣсни Луб. у., 175)—вытекають многочисленныя сказки и разсказы о посѣщеніи покойными мужьями

своихъ вдовъ, особенно, если послѣднія по нимъ тоскуютъ. Вотъ одинъ изъ такихъ разсказовъ. „Бабынъ зять пишовъ у москали и тамъ умеръ. Дочка не бачыла чоловика и якъ ёго ховалы. Вона каже: якъ бы я, мамо, побачыла який винъ москаль? Отъ винъ у ночи приходыть до неи, а маты вудысь пишла. Одчынывъ хату и пыта: „чы хочешъ мене побачыть жоло себе?“ Вона злякалась; а въ неи дытына маленька була, отъ вона ту дытынку схопыла тай сила. Винъ дойшовъ тилькы до половыны хаты, до сволока, и каже: „ну, спасена твоя душа, шо ангола взяла у руки, а тобъ ты знала якъ хотить, щобъ я прыйшовъ до тебе!“ Пишовъ витромъ зъ хаты, поодчинявъ двери й саны“ (отъ воз. Катерины Норовой, м. Лукомье). По бѣлорусскимъ повѣрьямъ мертвецы приходятъ къ вдовамъ помогать въ работѣ, но при этомъ убиваютъ ихъ (Романовъ. Бѣлор. сборникъ 1891 г., Витебскъ, IV, 125, 126, 137). Неудивительно поэтому, что въ разсказѣ, приведенномъ во II т. Этногр. Мат. Гринченка (№ 83, 100), жена, чтобъ избавиться отъ посѣщеній и ухаживанья мертваго мужа, накинула на него узду и сказала: тпру!—Эти загробныя посѣщенія тѣмъ опаснѣе, что нерѣдко дьяволы, пользуясь печалью вдовъ, являются къ нимъ по ночамъ въ образѣ покойнаго мужа. (Сумцовъ. Культ. переж. въ Кіев. Стар. 1890 г., I, 71. Аванасьевъ, II, 331. Ивановъ, Разск. о вѣд. 225). Подобно тому, какъ женатыхъ хоронили съ женами для удовлетворенія инстинкта прокреаціи, холостыхъ женили за гробомъ для той же цѣли. Такъ комментировалъ по крайней мѣрѣ Котляревскій извѣстіе арабскаго путешественника Ибнъ-Фоцлана о похоронахъ русскаго купца, котораго сожгли съ дѣвушкой, предъ тѣмъ удавленной. (Собр. соч. т. III, 227). Быть можетъ, отдаленнымъ отголоскомъ этого обыкновенія является извѣстная народная пѣсня о дѣвицѣ, просящей похоронить ее съ умершимъ любимымъ возакомъ (Кулишъ. Зап. о Юж. Руси. II, 239—240. Чуб. V. № 727, 372 и мои Нар. обр. и пѣсни Луб. у. 176). Изъ того же источника произошли и народныя сказки о мертвецѣ, развѣзжающемъ на конѣ съ живой невѣстой, при сіяніи мѣсяца, какъ въ Бюргеровой Ленорѣ, встрѣчающіяся у Чуб.

(т. II, № 120, 121, стр. 411—416) и у Sébillot (Contes, № 52, Les deux fiancés¹⁾). И материнскій инстинктъ также по народному мнѣнiю переживаетъ смерть, и рассказы о матери, приходящей къ оставленнымъ дѣтямъ, многочисленны и повсемѣстны. Напримѣръ, въ гасконской сказкѣ: L'innocent (Sébillot. Contes. № 51, p. 257) мертвая мать приходитъ каждую ночь кормить, чесать, мѣнять бѣлье своему дитяти. Такого же содержанiя сказки у Чуб. (т. II, № 115, 405) и Аван. (т. II, 320). Не такъ благосклонна мать къ взрослымъ дѣтямъ, часто въ раздраженiи она гонится за дочерью и готова ее растерзать (Чуб. II, № 122, 416, 417. Кулишъ. Зап. о Юж. Руси. II, стр. 43).

Гораздо рѣже встрѣчаются рассказы о загробныхъ сношенiяхъ отца съ дочерью, притомъ только по дѣламъ имущества и хозяйства, которыми хозяева продолжаютъ интересоваться и за гробомъ; они даютъ совѣты и распоряжаются. Мертвый хозяинъ навѣщаетъ пасѣку. Мертвецы—строгiе занемодавцы. Одинъ мертвецъ 30 лѣтъ посѣщалъ должника, покуда тотъ не положилъ на могилу должныхъ денегъ (Очеркъ демон. Малор. 120). Нашедшiй кладъ долженъ былъ отнестъ обратно деньги, такъ какъ мертвый дидъ того требовалъ (Ивановъ. Народ. разск. о кладахъ въ Харьк. Сборникъ 1890 г., IV, 33, 34). Не менѣе строго преслѣдуютъ мертвецы и за взятыя у нихъ вещи. Покойникъ ударилъ сторожа за то, что послѣднiй укрылся сукномъ для мертвыхъ. Другой требовалъ отъ солдата вездѣ свои сапоги, пока тотъ ему не отдалъ (Аванас. 318). Въ рассказѣ подъ заглавiемъ: Кубукъ, записанномъ мною въ Луб. у., дѣвка сорвала съ мертвеца клобукъ, потомъ должна была отдать его мертвецу, который тутъ же растерзалъ ее. Подобныя сказки съ замѣной клобука саваномъ и рубашкой встрѣчаются у Аванасьева (т. II, 314) и у Чуб. (II, 422) съ замѣной кубука—„ковпачкомъ“. Чуткость мертвецовъ къ праву собственности доходитъ до мелочности. „Мертвякъ умеръ, копали яму на ёго, а баба пишла, набрала глины та змазала дилъ. Мертвяка заховалы.

¹⁾ Посѣщенiе женами вдовцовъ, особливо отъ дѣтей, и мертвыми невѣстами жениховъ встрѣчается только у Иванова (Народ. разск. о вѣд. 217, 225).

Прыйшовъ винъ у ночи пидъ вишко, каже: подай мою землю! „Такъ не мае, я вымазала всю на дилъ“.—Де хочь беры, а давай. То не тоби дано земли, а мени, такъ не займай.—У йеи осталось трохи глыны, вона однесла и высыпала ёму на грибъ. Винъ опять прыходыть у вечори: „подавай мою землю, ты не всю и однесла“. Вона взяла на другой девъ позструговала и однесла, и винъ бильшь не прыходывъ до неи“ (отъ козачки сел. Мойсеевки, Хорольскаго у., М. Руденковой). Что такой интересъ къ собственности покойниковъ встрѣчается не въ однихъ только малорусскихъ народныхъ сказазахъ, доказываетъ между про-французская сказка: *La jambe d'or*, о королевѣ, похороненной съ искусственной золотой ногой. Когда слуга укралъ изъ гроба эту ногу, то мертвая королева кричала до тѣхъ поръ пока воръ не пришель и она его не съѣла.

Такимъ образомъ, приведенное краткое изложеніе содержания малорусскихъ народныхъ сказокъ и рассказовъ доказываетъ, что въ нихъ, какъ и въ погребальныхъ обрядахъ, сохранились древнѣйшія общечеловѣческія представленія и вѣрованія о загробномъ существованіи, подобномъ почти во всемъ дѣйствительной жизни. Мертвецы въ нихъ живутъ и дѣйствуютъ, какъ живые люди, съ тѣми же силами, желаніями, чувствами и потребностями, что и при жизни, лишь нѣсколько видоизмѣненными и преувеличенными. Эти представленія особенно важны при изученіи демонологіи, такъ какъ блуждающій мертвецъ есть основной, первоначальный типъ сверхъестественнаго демоническаго существа, по которому народное воображеніе построило и всѣ остальные.

II.

Русалки.

Отличіе русалокъ отъ классическихъ и романскихъ сирень. Преданіе о Мелюзинѣ и сказки о женахъ-змѣяхъ. Единство природы русалки. Русалки утопленницы. Русалки неврещенныя дѣти, ихъ загробное существованіе и маружность.

Изучая рассказы и повѣрья о малорусскихъ русалкахъ, необходимо отдѣлить отъ нихъ классическія и романскія преданія

о сходныхъ женскихъ существахъ, сиренахъ, полуженщинахъ, полурыбахъ, привлекавшихъ и губившихъ путниковъ очаровательнымъ пѣніемъ, такъ какъ эти повѣрья отразились на Украинѣ весьма слабо, только въ замѣчаніи, что пѣсни слагаютъ морскіе люди (Кулишъ, Зап. о Юж. Руси., II., 36 и Чуб. Тр. эксп. т. I., в. 1., 211). Кромѣ этого краткаго указанія, не существуетъ ни въ этнографическихъ сборникахъ, ни, повидимому, въ устахъ народа ни одной сказки, въ которой встрѣчалось бы существо со всѣми перечисленными особенностями сиренъ, взятыми вмѣстѣ, а встрѣчаются лишь изрѣдка нѣкоторые отдѣльные ихъ признаки. Напримѣръ, въ одной сказкѣ, записанной на дняхъ въ лубенскомъ у., дѣвица, заточенная въ стѣну, покрыта рыбьей чешуей, что составляетъ особенность сиренъ („des sirènes écailleuses“ по Флоберу). Но этимъ наружнымъ признакомъ и оканчивается сходство заточенной дѣвицы съ сиреной. Такъ и бретанская сирена (P. Sébillot. Contes des prov. de France. Paris. 1884, № 29, La sirène de la Fresnaye), бѣлая, съ золотистыми волосами и рыбьимъ хвостомъ, напоминаетъ малорусскихъ русалокъ развѣ своимъ дѣтскимъ возрастомъ и больше ничѣмъ. Почти тоже слѣдуетъ сказать о романѣ французской феи Мелюзины, полуженщинѣ, полумѣѣ, вышедшей замужъ за графа Раймунда де Пуатье, давшей ему десять сыновей, но исчезнувшей по обнаруженіи двойственности ея природы; рассказъ этотъ черезъ Германію и земли западныхъ славянъ прошелъ въ правобережную Украину (Сумцовъ. Культ. переж. Кіев. Стар. 1889 г., III., 668), и отразился здѣсь только въ названіи мелюзинами пѣвицъ, полуженщинъ, полурыбъ (Чуб. т. I., в. 1., 209). Но если романъ о Мелюзинѣ не имѣетъ ничего общаго съ повѣрьями о русалкахъ, то по своему основному мотиву онъ представляетъ нѣкоторое сходство со сказками о дѣвицѣ и женѣ змѣяхъ, являющихся, какъ и Мелюзина, до поры до времени, т. е. до указанія на ихъ змѣиновую природу, существами благодѣтельными. Такъ, въ сказкѣ, записанной мною въ Лубенскомъ у., вокругъ шеи соннаго мальчика обвилась змѣя, превратившаяся въ царевну изъ окаменѣлаго царства. Она помогала потомъ всю жизнь своему любимцу,

между прочимъ, подаривъ рубашку изъ змѣиной силы. Болѣе подробный и лучший вариантъ этой сказки приведенъ у Чубинскаго (т. II, № 135, стр. 432—445). Въ сборникъ же Аванасьева „Рус. нар. сказки“ змѣя—дѣвица входитъ лишь эпизодически въ двѣ сказки о волшебномъ кольцѣ. Въ первомъ вариантѣ дѣвица, окруженная огнемъ и спасенная крестьяниномъ, обращается въ змѣю (т. I, стр. 319), во второмъ (стр. 324) наоборотъ—змѣя на кострѣ послѣ спасенія обращается въ дѣвицу. Еще ближе къ главному мотиву преданій о Мелюзинѣ другая сказка, также записанная въ Лубенскомъ у. Въ ней парень поджегъ копну, гдѣ скрывалась змѣя. Змѣя, вылѣзши, обратилась въ дѣвицу, вышла замужъ за парня и жила съ нимъ до тѣхъ поръ, пока онъ не назвалъ ее гадиной. Съ этой минуты она удаляется навсегда, дѣти обращаются: сынъ въ соловья, дочь—въ жабу. Первая половина сказки у Чуб. (т. II., № 2, 12) такая же: змѣя обращается подъ вѣнцомъ въ женщину, живетъ съ мужемъ и удаляется отъ него навсегда послѣ упоминанія о ея змѣиной природѣ.—Такимъ образомъ, русалки отличаются отъ всѣхъ перечисленныхъ фантастическихъ существъ тѣмъ, что въ природѣ ихъ нѣтъ ничего двойственнаго. Онѣ, по Соловьеву, Аванасьеву и Кавелину, души умершихъ молодыхъ женщинъ, дѣвицъ и дѣтей (Кавелинъ. Сочиненія. Москва. 1859 г., IV, 205). Русалки—утонувшія дѣвицы (Арендаренко. Зап. о Полт. Губ. II., 215. Чуб. т. I, 207), или дѣвицы, умершія на зеленыхъ праздникахъ (Nowos. Lud. Ukrainś., I, 78, 79). Русалки, дѣвушки и женщины утопленницы дѣлаются женами водяныхъ (Ивановъ. Народн. разск. о домов., лѣш., водян. и русалкахъ. Хар. 1893 г., 48). По бѣлорусскимъ повѣрьямъ, русалки—также утопленницы женщины; онѣ щекочутъ людей, поймавшихся служатъ человѣку до года и выполняютъ разныя работы; питаются паромъ (Романовъ. Бѣлор. Сб. Витебскъ 1891 г., IV., 139, 140, 216). Но такое представленіе о русалкахъ, какъ о взрослыхъ дѣвушкахъ и женщинахъ, встрѣчается только въ искусственной поэзіи, въ литературѣ и живописи, народу же, по крайней мѣрѣ въ центральной Малороссіи, оно совершенно чуждо. Здѣсь нѣтъ никакихъ ска-

зоекъ, пѣсень, повѣрій или обрядовъ о такихъ русалкахъ. Народъ знаетъ только русалокъ дѣтей. Онѣ мертворожденныя, при-спавныя матерями, вообще некрещенныя дѣти. (Бантышъ-Каменскій. Истор. Малор. III. 197, 198., Арендаренко. Зап. о Полт. Губ. II, 215, Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ. 1873 г. V., 410, 411. Ивановъ. Нар. разск. о домов. 45). Къ русалкамъ принадлежатъ и дѣти, убитыя матерями при рожденіи (Шевченко. Кобзарь. 1883. Русалка. 225). По повѣрьямъ Подольской губ., потерча или потороча превращается только по прошествіи семи лѣтъ въ русалку-мавку или малку (Шейковский. Бытъ под., в. II, 6).

Пребываніе русалокъ за гробомъ изображается народомъ въ такихъ краскахъ: Русавкамъ на тмѣ свити темно. Ии дупечка такъ лита, якъ птыця по дереву, ій прыстановыща нема. И плачется вона на свою матирь, шо маты іи не зберегла. У четверь на клечальныхъ святкахъ Богъ избира до миста, тоди имъ трошки выдненко, а то имъ усе темно. Такимъ образомъ, русалки появляются на свѣтъ только на зеленыхъ святкахъ, что подтверждается и печатными матеріалами. Недѣля до Троицына дня называлась въ Россіи XII в. русальною. Русалки могутъ являться на свѣтъ только въ день св. Духа и Троицынѣ. Дѣвки и женщины запасаются зорей или любысткомъ, чтобы ихъ не зашекотали русалки ¹⁾. (Бантышъ-Каменскій. III, 197, 198). Русальчынѣ, мавскій великдень бываетъ въ четвергъ на зеленой недѣлѣ. Въ этотъ день не работаютъ, чтобы не обидѣтъ русалокъ, и всю недѣлю не купаются въ одиночку (Богдановичъ. Свѣдѣнія о Полт. губ. 195, 234. Чернявская. Обр. и пѣсни с. Бѣлозерки. 17). На русальчынѣ великдень женщины, терявшія некрещенныхъ дѣтей, собираютъ дѣтей съ околodka, или какихъ попадется, и угощаютъ ихъ варениками, паляницами, пирожками, бубликами (мой Обр. и пѣсни Луб. у. 171). На русальной недѣлѣ въ Бѣлороссіи дѣвки, качаясь на вѣтвяхъ, зазываютъ русалокъ. Дѣтей не пускаютъ купаться. (Зап. Рус. Геогр. Общ.

¹⁾ *Lychnis chalconia*. L., *Levisticum officinale*. L. Особенно предохраняетъ поlynъ, *Artemisia Absinthium*.

V. 410, 411). Русальчынв велькдень называють еще „сухий четверь, такъ якъ тоди тилько росавкы просыхають, ато усе имъ мокро“. Въ эти только дни и можно сдѣлать наблюденія надъ управленіемъ русалками, мѣстами ихъ пребыванія, наружностью, ихъ превращеніями. Управляетъ русалками особая старшая или игуменя, а по другимъ повѣрьямъ—дидь или святой. Подъ такимъ надзоромъ, или и безъ него, русалки пасутся, какъ гуси, на островахъ, болотахъ, поляхъ и лѣсахъ. Они встрѣчаются въ копцахъ, но не могутъ переходить межъ. (Романовъ. IV, 216). Чаше всего онѣ бывають у воды; здѣсь онѣ купаються, бѣгають, кричатъ, какъ кошки. (Б. Каменскій. III, 197, 198). Любятъ больше стоячую воду и мелкія, не быстрыя рѣчки, „шобъ не занесла вода“. Русалки представляются смѣющимися, хлопающими въ ладоши дѣтьми, кричащими: „гуць! а де вы?“, а также поющими. Тѣло у нихъ голубоватое, синеватое или темное. „Голи скризь, зъ осоки косы“ (Шевченко, 27 стр.). Часто одѣты въ красномъ. Изрѣдка появляються онѣ въ видѣ кошекъ (Зап. Юго-Зап. Отд. Геогр. Общ. 1874 г., II, 357), лягушекъ (Ивановъ. Нар. разск. о дом., 45) или мелкими животными изъ породы грызуновъ. „Родъ крысы, полове, хвистъ длинный, уха въ гору, на лапахъ по пяты пальчыкывъ, йе нѣхти. Собака не займала“ (отъ Николая Ивахненка, м. Снѣтина). Къ русальчыному велькодню относятся и слѣдующіе разказы: „Йшовъ дидь на охоту, переходывъ болото. Русалкы угнались за дидомъ. Винъ добигъ до дуба, излизъ, а вони й соби дерутся та хихочуть. Дидь выстрелывъ, вони тоди одбиглы одъ дуба у копанку, тай купаються; и купались до дванацяты часивъ. Плыгають и кажутъ: ухъ, ухъ! соломьяный духъ. Маленьки диты, швыдки, сыненьки, або голубеньки (отъ Д. Бугаевой, с. Литвяковъ).

Спивають и таков:

Не бый нога объ ногу,
 Не сій борошна на дижу,
 Ухъ, ухъ! мене маты нехрещеву вродыла,
 На камени садыла.

(отъ А. Гетмановой, м. Снѣтина).

Пишли дивчата на поле рвать квитокъ на русальчынъ велькеденъ. Пришла одна до балки, колы плягають диткы маюни. А вона помахала на другу нышкомъ. Якъ прыбигла та друга та въ крыкъ, та въ голосъ, та давай тикать. Прыбиглы додому, заболели и вмерлы (отъ Е. Павликовой, с. Литвяковъ).

Ишла жинка у село, колы выходить чотыри росалки, маленьки, у червонихъ сорочкахъ, въ лодони плещуть:

Мене маты вродыла

Та въ хрестъ не вводыла.

Узяла жинка соломьну у усихъ перехрестыла (отъ Н. Кедевой, с. Литвяковъ).

Подобный случай передается въ Овернской сказкѣ. На разсвѣтѣ дѣти въ бѣломъ окружили проѣзжаго и требовали у него крещенія (P. Sébillot. Contes. № 32. Les enfants des limbes).

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что русалки, не имѣя въ природѣ своей ничего стихійнаго и двойственнаго, составляютъ лишь разновидность мертвецовъ.

В. Милорадовичъ.

